„Пров

ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

и

РАБОЧІЙ НАРОДЪ.

2-й экз.

ПР 8 „Пров 3

1 шк
пс-р
Ц

„Пров 49“

Первоначально было помѣщено въ № 1-омъ сборника „Голосъ Труда“. Отдѣльное изданіе печатается на средства „Фонда имени Н. Г. Чернышевскаго“.

103234

Многія сотни лѣтъ стонетъ русскій народъ, и во всѣхъ пѣсняхъ своихъ плачется на свою горькую участь. Эти заунывныя, за душу хватающія пѣсни переходятъ изъ рода въ родъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ, безсмѣннымъ наслѣдіемъ русскаго народа. Не даромъ сказано:

Вѣка проходили — все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣсколько разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ —

несчастную долю русскаго народа. По-прежнему, какъ многія сотни лѣтъ тому назадъ, передъ нами одна и та же картина: мильоны народа всю свою жизнь проводятъ въ тяжеломъ, неустанномъ трудѣ, они лишены самыхъ простыхъ удобствъ жизни, они задавлены своей нищетой, большинству ихъ недоступна самая простая книга, ибо они поголовно безграмотны; всѣ науки и искусства, которыми такъ гордится современное человѣчество, все это не про нихъ, они знаютъ только одно — свой тяжелый неустанный трудъ, трудъ съ ранняго утра, трудъ до поздняго вечера. И надъ ними, надъ этими милліонами трудящагося народа, возвышается ничтожная кучка народныхъ грабителей. Они не сѣютъ, но собираютъ въ свои житницы; они не работаютъ, но къ нимъ именно стекаются всѣ плоды и блага земные. Какъ пьявки, они присосались къ народному тѣлу. Вездѣ, гдѣ есть крестьянинъ, гдѣ есть рабочій, — вездѣ есть своя пьявка, которая медленно, каплю за каплей, высасываетъ рабочую кровь и превращаетъ ее въ золото. Среди всѣхъ этихъ пьявокъ выдѣляется одна самая главная, самая жадная и ненасытная, — это пра-

вительство. Она раскинулась по всей Россіи, она проникла въ каждую деревню, въ каждый рабочій поселокъ, прилѣпилася къ каждому рабочему тѣлу, — и безъ устали вытягиваетъ изъ него послѣдніе соки. И вездѣ, куда только пробралась эта жадная пьявка, вездѣ высосанная ею рабочая кровь превращается въ золото, и оно капля за каплей медленно стекаетъ внизъ, сливается въ маленькіе ручейки, а они бѣгутъ отовсюду, гдѣ царитъ суровый трудъ и суровая нужда, гдѣ слышны голодные стоны и гдѣ жизнь есть сплошное царство страданій, — бѣгутъ туда, гдѣ царитъ разнузданное веселье и гдѣ слышенъ развратный хохотъ. Эти золотые ручейки текутъ все дальше и дальше, по пути они вбираютъ въ себя встрѣчныя золотыя струйки, которыя густой и плотной сѣтью раскинулись по всей Россіи, — и всѣ вмѣстѣ образуютъ громадную золотую рѣку. Золотая рѣка шумнымъ потокомъ быстро несется впередъ, разливаясь все шире и шире, а надъ нею все время несется эхо народныхъ страданій, пока, наконецъ, она не достигаетъ до Петербурга и не вливается въ подвалы государственнаго казначейства. Какъ великъ и громаденъ этотъ золотой потокъ, можно судить по тому, что въ Россіи всѣхъ денежныхъ знаковъ (золотыхъ, серебр., бумажныхъ, мѣдныхъ) почти вдвое меньше, чѣмъ ежегодныхъ доходовъ государства. Это значитъ вотъ что: если бы народъ разомъ отдалъ всѣ деньги, какіе только у него есть въ данную минуту, — то этихъ денегъ хватило бы только на то, чтобы уплатить немногимъ больше половины ежегодныхъ налоговъ.

Золото не задерживается въ казначействѣ. Такимъ же потокомъ, какимъ оно вливается въ его подвалы, оно потомъ снова выплываетъ наружу, но попадаетъ отнюдь не туда, откуда оно притекло. Народные милліоны, съ которыхъ стерлись слѣды народныхъ слезъ и горя, расходятся по карманамъ князей, чиновниковъ, жандармовъ, дворянъ, фабрикантовъ, шпіоновъ и прочей правительственной челяди, которая присосалась къ

народному тѣлу. И мы видимъ, что силы народа съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе слабѣютъ. Пьявки высосали почти всю его кровь. Мужикъ отдалъ почти все, что имѣлъ и теперь погибаетъ голодной смертью. Такая же голодная смерть ожидаетъ и тѣхъ многихъ рабочихъ, которыхъ застой въ сбытѣ товаровъ выбросилъ на улицу.

Смерть въ деревнѣ, смерть въ городѣ. Вездѣ она коситъ свои жертвы. О комъ же заботится больше правительство: о пьявкѣ, которой нечего больше высасывать, или о жертвѣ, изъ которой эти пьявки высосали почти всѣ соки?

Рабочіе и капиталисты.

Въ Россіи голодъ и безработица. Еще три года тому назадъ обнаружился сильный застой, заминка въ промышленности. Много фабрикъ и заводовъ стало, много тысячъ рабочихъ было разсчитано, многимъ угрожала голодная смерть. Многіе капиталисты тоже пострадали отъ кризиса. Вмѣсто милліоновъ они стали получать только сотни тысячъ. Этого было достаточно, чтобы завопить о раззореніи. И вотъ, едва только эти вопли достигли до чуткаго къ такимъ звукамъ уха министра финансовъ, — онъ проявилъ самое трогательное сочувствіе къ чужому горю. Мгновенно же распахнулись подвалы государственнаго казначейства, гдѣ отвердѣвшими въ золотые слитки покоились слезы, трудовой потъ и горе русскаго народа, — и золотой струей потекли они въ карманы раззорившихся капиталистовъ. Сколько было потрачено народныхъ денегъ за эти два года промышленнаго застоя, — въ точности неизвѣстно, такъ какъ предусмотрительное начальство заранѣе сковало уста нашей рабской печати, — и она промолчала объ этомъ новомъ хищеніи казны. Но во всякомъ случаѣ не менѣе 100 милли-

оновъ рублей ушло на то, чтобы спасти зарвавшихся хищниковъ.

Промышленный кризисъ не кончился и до сихъ поръ, — напротивъ, онъ разростается все шире и шире, охватывая все новыя промышленныя области и обрекая на полуголодную жизнь или голодную смерть все новыя и новыя тысячи рабочихъ. Фабриканты и заводчики продолжаютъ вопить о помощи. Правительство растратило почти все, что оно успѣло выбрать изъ народныхъ кармановъ. А вопли раздаются наглѣе и громче, чѣмъ когда либо раньше. Пріученные къ подачкамъ съ царскаго стола, фабриканты уже не просятъ, а прямо требуютъ. И правительство изо всѣхъ силъ выбивается, чтобы только вдосталь накормить свое жадное дѣтище. Коли нечего больше грабить съ народа, такъ влѣземъ по уши въ долги, — вѣдь, все равно расплачиваться за нихъ будемъ не мы, а тотъ же народъ, тѣ же рабочіе и крестьяне, если не они сами, то ихъ дѣти, внуки, правнуки. И вотъ отъ имени разореннаго народа, подъ залогъ будущихъ поколѣній, правительство заключаетъ заемъ за займомъ. Въ мартѣ этого года отъ Франціи, подъ предлогомъ дружбы, мы вытребовали въ заемъ 160 милліоновъ рублей, которые всѣ пошли по карманамъ крупныхъ капиталистовъ. Правда, Франція, не взирая на дружбу, успѣла выговорить очень выгодныя для себя условія займа: за каждые 96 р. русскій народъ долженъ будетъ уплатить по 100 р. съ процентами. Правительство не только грабитъ теперешнихъ крестьянъ и рабочихъ, — этого ему мало; въ своей ненасытной жадности оно хочетъ использовать не только настоящее, но и будущее; оно заранѣе запродаетъ въ рабство капиталу будущія поколѣнія рабочихъ, ихъ дѣтей и внуковъ. — Вслѣдъ за французскимъ займомъ послѣдовали новые: не особенно давно въ Германіи было занято до 40м. р. для раздачи желѣзнымъ дорогамъ. Деньги эти опять уйдутъ въ карманы капиталистовъ, рабочимъ не достанется изъ нихъ ни копѣйки. Рабочихъ по прежнему будутъ,

какъ скотъ, перевозить въ вагонахъ 4-го класса вмѣстѣ съ лошадьми, коровами, свиньями, а на уворованные у нихъ деньги понастроятъ роскошные вагоны, въ которыхъ тутъ же рядомъ будутъ ѣхать министры, фабриканты, жандармы и разные чиновники. О битомъ мясѣ и свѣжихъ фруктахъ, которые везутъ съ юга въ Петербургъ для разныхъ князей и банкировъ, заботятся гораздо больше, чѣмъ о рабочихъ. Вѣдь фрукты могутъ испортиться дорогой, и князья останутся тогда безъ вкуснаго блюда, а если съ рабочимъ какая нибудь бѣда случится, такъ, вѣдь, на его мѣсто всегда явятся десятки новыхъ. На дняхъ, напримѣръ, сообщали, что правительство намѣрено выстроить новую сотню вагоновъ-ледниковъ для перевозки масла изъ Сибири. Другая сотня вагоновъ съ какими то особенно дорогими и замысловатыми приспособленіями строится для того, чтобы крымскій виноградъ могъ пріѣхать въ Петербургъ, не помявшись дорогой.

Министръ не только самъ при помощи казны спасаетъ капиталистовъ отъ „разоренія“, но принуждаетъ къ тому и другихъ. Недавно онъ всѣмъ земствамъ и городамъ приказалъ покупать всѣ нужныя для нихъ издѣлія обязательно у русскихъ же фабрикантовъ, но отнюдь не заграницей. Заграницей тѣ же самые товары изготовляются прочнѣе и продаются дешевле, — разумѣется, русскіе покупатели предпочитаютъ выписывать ихъ оттуда. Теперь имъ это воспрещено. Всѣ должны нести свои деньги русскимъ капиталистамъ, ибо они друзья царя и министровъ.

Кромѣ прямыхъ подачекъ, наши капиталисты умѣютъ выклянчивать народныя деньги еще другимъ путемъ, подъ видомъ заказовъ. Многіе изъ нашихъ заводовъ работаютъ для казны, — это главнымъ образомъ тѣ заводы, которые изготовляютъ рельсы, вагоны, паровозы и разныя другія принадлежности для желѣзныхъ дорогъ. Правительство все это могло бы закупить гораздо дешевле заграницей, но оно нарочно обращается къ рус-

скимъ заводамъ, чтобы дать имъ возможность „заработать“ лишній милліончикъ. Благодаря этимъ милліончикамъ у насъ не рѣдки случаи, когда заводчики въ одинъ-два года успѣваютъ удвоить, а то и утроить свое состояніе.

И вотъ, едва только пронеслась вѣсть о промышленномъ застоѣ, какъ министръ заговорилъ о необходимости строить новыя желѣзныя дороги, которыя и нужны то главнымъ образомъ для новыхъ и новыхъ заказовъ. Съ нынѣшняго года начали проводить громадную желѣзную дорогу отъ Петербурга на Вятку, съ будущаго года будутъ проводить двѣ громаднѣйшихъ дороги черезъ Средне-азіатскія пустыни, гдѣ и жилья то человѣческаго нѣтъ, а разстилается только безконечный песокъ. Россія на русскія деньги успѣла уже не мало понастроить желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, теперь поговариваютъ о томъ, что скоро русскіе милліоны потекутъ въ Персію, чтобы тамъ строить какія то дороги. Подрядчики и инженеры ликуютъ: они знаютъ, что не малая доля этихъ милліоновъ перепадетъ и на ихъ долю; ликуютъ и заводчики съ фабрикантами; одни разсчитываютъ на милліонные заказы, другіе надѣются по новымъ дорогамъ спровадить свое залежавшееся сырье несчастнымъ китайцамъ и персіянамъ, — не ликуетъ только сотня милліоновъ русскихъ крестьянъ и рабочихъ: они знаютъ, что въ ихъ карманы не попадетъ ни копѣйки, хоть прорѣжь ты всѣ пустыни въ мірѣ желѣзными дорогами: они, наоборотъ, знаютъ, что это ихъ кровные рубли и копѣйки, добытые тяжелымъ трудомъ, потекутъ и въ Китай, и въ Персію, и еще куда нибудь на край свѣта: они знаютъ, что за все это ихъ заставятъ только за грошевую плату, день деньской, подъ дождемъ и снѣгомъ рыть канавы, сносить насыпи, укладывать рельсы.

Такъ правительство позаботилось о капиталистахъ. Благодаря его щедрой помощи, они, не смотря даже на промышленный кризисъ, успѣли награбить денегъ еще кажется больше, чѣмъ раньше. Но что сдѣлало прави-

тельство для рабочаго? Мы не знаемъ ни одной мѣры на пользу рабочихъ. Развѣ только одну: когда безработные устроили въ Одессѣ страшный погромъ, — градоначальникъ приказалъ ихъ сначала арестовать, а затѣмъ выдать безплатные билеты, чтобы только поскорѣе спровадить ихъ куда нибудь подальше. Пусть они умираютъ въ какой нибудь глуши отъ голода, — только чтобы они не безпокоили его сіятельство.

Правительство быстро вняло голосу капитала, но голосъ труда, выброшеннаго, благодаря промышленному кризису, изъ фабрики на улицу, — должно быть, не долетѣлъ до него.

Трудъ умиралъ въ своихъ конурахъ голодной смертью, трудъ съ блѣднымъ лицомъ и понурымъ видомъ просилъ у прохожихъ милостыню, трудъ, вынуждаемый муками голода, принимался за грабежъ, разбой и насиліе, — и изловленный попадалъ въ тюрьму и на каторгу, трудъ сидѣлъ въ кандалахъ, потрясая въ безсильной злобѣ своими цѣпями, — но ничто, ни просьба нищаго, ни предсмертные стоны, ни лязгъ цѣпей, ни крики мести — ничто не долетаетъ до слуха правительства. Оно знаетъ только своихъ капиталистовъ, — ему нѣтъ дѣла до народнаго горя.

Промышленнымъ кризисомъ капиталисты воспользовались не только для того, чтобы выклянчить отъ министра нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, — они и сами не плошали. Во время этого кризиса цѣны на многіе товары страшно упали, такъ бываетъ при всякомъ кризисѣ. Это разумѣется не понравилось нашимъ капиталистамъ, — и вотъ они на разныхъ своихъ съѣздахъ принялись заключать между собой тайныя и явныя соглашенія съ цѣлью искусственно поднять цѣну на товары. Какъ извѣстно, у насъ стачки запрещены, и притомъ не только для рабочихъ, но и для капиталистовъ. Въ законѣ есть опредѣленная статья (1180), которая грозитъ капиталистамъ тюрьмой или штрафомъ, если они „скопомъ“ будутъ повышать цѣны на свои товары. Но одно

дѣло—законъ, другое дѣло—соблюденіе этого закона. Всѣ законы въ рукахъ правительства, т. е. министровъ. А вотъ одинъ изъ нихъ, министръ финансовъ, который всегда такъ жестоко преслѣдуетъ рабочихъ за стачки, такъ онъ самъ стоитъ во главѣ стачки: подъ его руководствомъ образовался синдикатъ (т. е. стачка) сахаро-заводчиковъ, и они нагнали цѣну на сахаръ до 15-17 к. за фунтъ, между тѣмъ, какъ самимъ имъ этотъ фунтъ обходится копѣекъ въ 6-8. Остальные заводчики и фабриканты поспѣшили послѣдовать ихъ примѣру. Газеты то и дѣло сообщаютъ о возникновеніи новыхъ и новыхъ синдикатовъ (стачекъ) среди капиталистовъ. Кромѣ сахарнаго есть еще цементный синдикатъ. Не особенно давно варшавскіе писчебумажные фабриканты обратились къ петербургскимъ съ предложеніемъ поднять на 10% цѣну на бумагу. Возникаетъ синдикатъ вагоностроителей. Существуетъ синдикатъ нефтепромышленниковъ: не успѣлъ онъ появиться, какъ цѣна на нефтяные продукты мгновенно поднялась до небывалой высоты: такъ въ 92 г. пудъ нефти стоилъ 1-2 к., а въ 1900 г. — 15 к.; керосинъ въ 94 г. продавали по 8 к., въ 1900 г. — по 48-50 к.; самому же синдикату пудъ керосина обходится теперь не дороже 8 к. За послѣднее время поговариваютъ даже о возникновеніи синдиката книго-издателей. Это настоящій грабительскій походъ на карманы русскихъ покупателей, т. е. главнымъ образомъ крестьянъ и рабочихъ. И обо всѣхъ этихъ синдикатахъ совершенно спокойно печатаютъ въ газетахъ, не смотря на то, что каждый синдикатъ по закону есть преступленіе. Да что же подѣлать, если даже сами министры и тѣ входятъ въ синдикатъ и устраиваютъ новые?! Но всѣхъ другихъ превзошли углепромышленники. Ежегодно они устраиваютъ на югѣ свои съѣзды. Всѣ денежные тузы, владѣльцы копей, рудниковъ, заводовъ собираются на свои ежегодные „парламенты“ и обдѣлываютъ тамъ свои дѣлишки. Правительство не препятствуетъ этимъ собраніямъ, оно знаетъ, что тамъ не заговорятъ объ эксплу-

атаціи (обираніи) народа, тамъ нечего опасаться потрясенія основъ (развѣ вотъ растрясенія народныхъ карамановъ, — такъ вѣдь это не бѣда), — вѣдь тамъ засѣдаютъ все свои люди, все та же дружная семья фабрикантовъ, заводчиковъ, банкировъ, которымъ такъ благодѣтельствуетъ наше правительство. Много лѣтъ собираются эти парламенты и всегда тамъ дѣло шло мирно и ладно: пріѣдутъ, поплачутся на низкіе барыши, повыторгуютъ у казны нѣсколько лакомыхъ кусочковъ, — и разойдутся по домамъ, чтобы во славу русскаго капитала набивать свои карманы золотомъ. На этихъ же съѣздахъ они сговариваются между собой, какъ бы имъ удобнѣе было обобрать русскаго покупателя. Въ прошломъ году они заключили между собой стачку: сознательно ограничили количество вырабатываемаго ими угля и условились не продавать его дешевле опредѣленной цѣны. Угля стало всюду мало. Наступилъ настоящій угольный голодъ. Цѣна его почти мгновенно поднялась до страшной высоты: не задолго передъ тѣмъ уголь продавали по 5-6-7 к. за пудъ, а теперь онъ сталъ продаваться по 23-25 к., а временами даже по 30 к. Угольщики радостно потирали руки, загребая въ свои карманы плывущее со всѣхъ сторонъ золото. Однако здѣсь дѣло не кончилось такъ просто для угольщиковъ. Вѣдь каменный уголь покупаютъ не только простые обыватели, — имъ пользуются другіе же фабриканты, заводчики, само правительство на казенныхъ дорогахъ. Какъ ни дружно жилъ министръ финансовъ со своими капиталистами, однако и онъ здѣсь не могъ не вмѣшаться. Онъ обратился къ съѣзду съ вопросомъ, почему угля мало и почему онъ такъ дорогъ? Этотъ вопросъ привелъ углепромышленниковъ въ страшное замѣшательство: никакъ они не ожидали такой выходки со стороны своего вліятельнаго друга. Нужно было отыскать какую-нибудь причину, чтобы отклонить отъ себя подозрѣнія. Не долго думая, они свалили вину на рабочаго. Онъ во всемъ виноватъ. Онъ виноватъ и въ томъ, что уголь дорогъ, и въ томъ, что его мало. Почему

уголь дорогъ? а все потому, что рабочіе черезчуръ высокую плату получаютъ. Притомъ — рабочіе народъ вообще безпокойный, смуту любятъ, а за послѣдніе годы еще повадились стачки устраивать, — разумѣется, приходится ради поддержанія порядка казакамъ за „молодецкую расправу“ платить, а иной разъ и войска для стрѣльбы приглашать. Все это вызываетъ расходы да расходы, — и въ концѣ концовъ ихъ и приходится накладывать на цѣну угля при продажѣ, а уголь отъ этого и дорожаетъ. Итакъ, рабочіе получаютъ очень высокую плату; да и вообще положеніе нашихъ рабочихъ—какъ сказалъ одинъ изъ членовъ съѣзда, нѣкто Авдаковъ — не оставляетъ желать лучшаго, оно даже лучше, чѣмъ положеніе рабочихъ во Франціи и Бельгіи, заработки рабочихъ громадны, причемъ слѣдствіемъ высокихъ заработковъ являются пьянство, разгулъ и прочее. Такъ нагло издѣвается капиталъ надъ своими рабочими, пользуясь тѣмъ, что голосъ труда не можетъ проникнуть въ печать, не можетъ громко, вслухъ закричать имъ: „вы лжете, мошенники и грабители! вы завлекли насъ въ свои рудники и копи, — и мы молча, покорно лѣзли подъ землю, потому что голодъ гналъ насъ туда! мы подъ землей работали десятки часовъ подрядъ, работали цѣлый день, чтобы только къ ночи выползти изъ старой тьмы въ новую тьму, — а вы въ это время на верху, на землѣ жирѣли на счетъ *нашего* подземнаго труда. Для насъ жизнь была вѣчная ночь, ночь подъ землей, ночь безъ разсвѣта, — а вы тамъ подъ свѣтлымъ солнцемъ, въ своихъ роскошныхъ дворцахъ, воздвигнутыхъ нашими же руками, утопали въ нѣгѣ и роскоши. Вы загребали тысячи и милліоны, — и оставляли намъ гроши и копѣйки. Вы отнимали у насъ силы, грабили трудъ, разрушали наше здоровье, вы сокращали нашу жизнь, чтобы удлинить свою, — вы же, мошенники и грабители, смѣете нагло лгать, что наша жизнь есть сплошной разгулъ и веселье!„

Такъ могъ бы сказать трудъ капиталу, но пока онъ

только молчитъ, подавленный темнотой и невѣжествомъ.

Какъ на самомъ дѣлѣ отвратительно положеніе рабочаго, можно видѣть изъ словъ того же Авдакова. Въ своемъ желаніи все свалить на рабочаго, онъ хватилъ черезъ край и проговорился. Нужно было отвѣтить на второй вопросъ: почему угля мало. Угля мало потому, отвѣчали угольщики, что рабочихъ мало (это въ Россіи то!); а рабочихъ мало потому, что на югѣ хорошій урожай, и они изъ угольнаго рая бѣгутъ въ поле; рабочихъ еще мало потому, что на сѣверѣ и въ Донецкомъ округѣ урожая нѣтъ и тамъ выдаютъ даровыя пособія голодающимъ.

Вотъ южные рабочіе и бѣгутъ изъ рудниковъ въ неурожайныя мѣстности, въ надеждѣ, что авось ихъ тамъ сочтутъ за голодающихъ (надежда во всякомъ случаѣ небезосновательная — скажемъ мы отъ себя) и выдадутъ имъ пособіе. И такъ, нашъ южный рабочій готовъ свое райское блаженство, о которомъ такъ краснорѣчиво расписывали на съѣздѣ, промѣнять на положеніе голодающаго. Онъ готовъ отказаться и отъ всякой заработной платы, и отъ всѣхъ другихъ благодѣяній, которыми его, не переставая, осыпаютъ тамошніе хозяева, чтобы только заполучить скудное земское пособіе! Это противорѣчіе обратило на себя вниманіе даже министра финансовъ, и онъ обратился къ угольщикамъ съ новымъ вопросомъ: не слишкомъ ли скверно положеніе рабочихъ, и не слѣдуетъ ли позаботиться объ ихъ нуждахъ. Очевидно, безобразныя условія труда на югѣ оказались столь чудовищными, что привлекли къ себѣ вниманіе даже министра. Горнозаводчики поняли, что необходимо, если *не сдѣлать* что нибудь на пользу рабочаго, то по крайности *поговорить* объ его нуждахъ. И вотъ они принялись толковать о страхованіи рабочихъ отъ увѣчій.

Къ числу другихъ особенностей русскаго капитализма нужно еще отнести его непреодолимую наклонность къ членовредительству. Ни въ одной странѣ фабрики,

копи, рудники и заводы не поставляютъ такъ много хромыхъ, безногихъ, какъ въ Россіи. Ежегодно цѣлая толпа искалѣченныхъ рабочихъ выбрасывается за негодностью изъ пасти капитализма. Онъ не только выжалъ всѣ соки изъ тѣла рабочаго, онъ буквально почти перемололъ своими машинами его кости, руки, ноги, ребра, и, высосавъ изъ него всю пользу для себя, какую только могъ, выбросилъ теперь на улицу. „Погибай тамъ, какъ знаешь. Ты теперь мнѣ ненуженъ! Фабрика не больница. И если фабрика довела тебя до полусмерти, то умереть ты можешь и на улицѣ.“

Такъ говоритъ капиталъ искалѣченному имъ рабочему, осуждая его съ семьей на голодную смерть. И что всего ужаснѣе, число жертвъ нашей промышленности не только не уменьшается, а, напротивъ, изъ года въ годъ растетъ. Такъ, напримѣръ, на югѣ за одинъ только 1898 годъ число несчастныхъ случаевъ возросло почти вдвое, въ то время какъ число рабочихъ увеличилось только на одну десятую. Въ 97 году одинъ убитый приходился на 4 милліона 600 тысячъ пудовъ угля, а въ слѣдующемъ году уже только на 4.200 тысячъ пудовъ. За 10 лѣтъ (87-96) по Россіи выплавка чугуна возросла вдвое, число рабочихъ на одну четверть, а число несчастныхъ случаевъ увеличилось въ 15 разъ! На Брянскомъ заводѣ въ 99 году на 7000 рабочихъ было 2836 случаевъ поврежденій (40% всего числа рабочихъ). Иначе говоря, въ 2 ½ года заводъ обѣщалъ перекалѣчить всѣхъ своихъ рабочихъ. Та же самая картина наблюдается и на нефтяныхъ промыслахъ, на Кавказѣ: съ 94 г. по 98 г. число рабочихъ сравнительно съ предшествующимъ пятилѣтіемъ увеличилось менѣе чѣмъ въ 3 раза, а число несчастныхъ случаевъ въ 6 ½ разъ. Если такъ будетъ продолжаться далѣе, не далеко то время, когда капиталъ будетъ каждый годъ набирать новую армію рабовъ, чтобы въ концѣ года сварить ее въ своихъ котлахъ, передушить въ рудникахъ, искалѣчить машинами или сжечь въ своихъ огненныхъ

фонтанахъ. И что ему за печаль! голодъ гонитъ изъ деревни новыхъ рекрутовъ, новыхъ голодныхъ пролетаріевъ, которые за грошевый кусокъ хлѣба готовы будутъ лѣзть хоть въ подземное царство, хоть въ огненную печь. Нефтяные короли зарабатываютъ сотни милліоновъ рублей въ годъ. Это про нихъ главнымъ образомъ говорится въ одной заграничной пѣсенкѣ: „Поѣдемте въ Россію, поѣдемте туда! Тамъ можно нажить деньги безъ всякого труда.“ Что же они изъ этихъ милліоновъ удѣляютъ рабочему? До какой безчеловѣчной жестокости доходитъ ихъ небрежность въ отношеніи къ рабочему, — можно видѣть изъ описанія страшнаго бакинскаго пожара въ началѣ нынѣшняго года. Въ какомъ-то резервуарѣ вспыхнула нефть. Резервуаръ былъ огражденъ земляными валами отъ сосѣдней покатой мѣстности, гдѣ работало много рабочихъ. Владѣльцы нефти не позаботились даже о томъ, чтобы валы эти были достаточной высоты. Чтобы спасти горящую нефть, они принялись лить въ нее холодную воду, въ надеждѣ, что огненная масса охладится и сама собой потухнетъ отъ охлажденія. Вода, какъ болѣе тяжелая, скопилась на днѣ резервуара и сразу же въ этой адской жарѣ превратилась въ пары. Пары съ шумомъ вырвались наружу, перебросили черезъ земляные валы огненное море. Огненныя волны понеслись внизъ по покатой мѣстности и въ одно мгновенье залили ее до послѣднихъ краевъ. Мало кто успѣлъ спастись: всѣ, кто работалъ въ этой мѣстности, всѣ сдѣлались жертвой пламени. При видѣ огненныхъ валовъ, которые, пѣнясь и клокоча съ адскимъ шумомъ неслись на нихъ отъ резервуара, рабочіе подняли нечеловѣческій крикъ и бросились бѣжать, но смерть быстрѣе ихъ мчалась по ихъ пятамъ, страшная мучительная смерть въ объятіяхъ пламени. Огненное море потопило въ своихъ волнахъ много рабочихъ построекъ, оставивъ позади себя лишь пепелъ и обуглившіеся трупы.

Здѣсь не было нефтяныхъ королей. Ихъ роскошныя

палаты были далеко отсюда. Они остались невредимы. Огонь не добрался до нихъ. Огонь пожралъ только рабочихъ. Когда вѣсть о пожарѣ донеслась до нефтяныхъ королей, ихъ охватилъ ужасъ: ихъ ужаснула гибель той нефти, которая выплеснулась изъ резервуара и погибла даромъ для ихъ кармановъ.

Всѣ эти человѣческія жертвы мало ужасали и горнозаводчиковъ. Но нескромный вопросъ министра заставилъ и ихъ призадуматься о положеніи рабочихъ. Въ концѣ концовъ они рѣшили ввести страхованіе рабочихъ. Конечно, не особенно велико утѣшеніе для рабочаго знать, что за каждую оторванную ногу или поломанное ребро онъ получитъ вознагражденіе, — но все лучше, чѣмъ ничего. По крайности онъ будетъ знать, что инвалидомъ онъ не останется безъ куска хлѣба, и семья его, послѣ сварки его въ какомъ нибудь котлѣ, не пойдетъ по свѣту просить милостыни. Пока дѣло не выходило за предѣлы простыхъ разговоровъ, — все шло гладко и всѣ произносили много хорошихъ словъ. Но вотъ былъ поставленъ вопросъ, сколько же придется каждому вносить въ кассу. Подсчитали, оказалось, что по крайней мѣрѣ придется взимать по 48 к. съ вагона угля. Тутъ всѣхъ охватилъ ужасъ, вѣроятно такой же ужасъ, который охватилъ нефтяныхъ королей при извѣстіи о пожарѣ. „Какъ! 48 к. съ вагона! Не надо!“ И въ концѣ концовъ провалили эти 48 к... и разошлись по домамъ. 48 к. остались у нихъ и до сихъ поръ въ карманѣ, а руки, ноги, ребра и головы рабочихъ продолжаютъ по прежнему безплатно разлетаться въ разныя стороны.

Вслѣдъ за горнозаводчиками задумались и нефтяные короли. Они тоже вздумали ввести страхованіе рабочихъ. Очень тяжело имъ было дѣлать эти уступки рабочимъ, — но что же прикажете? времена ужъ такія настали,— вездѣ о рабочемъ говорятъ. Однако они рѣшили уступить лишь столько, сколько по ихъ мнѣнію требовало отъ нихъ время, — но ни гроша, ни копѣйки больше. Вы-

ступила впередъ ариѳметика. Они принялись вычислять, какая часть трудоспособности теряется человѣкомъ, когда онъ лишается руки, ноги или другой части тѣла. Нефтяные короли оказались хорошими математиками. Они ввели самую подробную таксу на увѣчья. Напримѣръ, если оторвана правая рука и уцѣлѣвшій обломокъ ея торчитъ подъ прямымъ угломъ, т. е. торчитъ прямо въ бокъ, то рабочій значитъ потерялъ только двѣ пятыхъ части своей трудоспособности, а потому онъ и получитъ только двѣ пятыхъ части полнаго вознагражденія; а вотъ если этотъ осколокъ торчитъ вверхъ (подъ тупымъ угломъ), —ну, ужъ въ такомъ случаѣ мы какъ никакъ надбавимъ, пожалуй, еще одну пятую. Если та же исторія повторилась съ лѣвой рукой, тутъ опять своя математика; если лѣвая рука торчитъ вверхъ, — владѣльцу ея пожалуютъ половину вознагражденія: но если она, на его несчастье, торчитъ только въ бокъ, — ужъ извините, больше трехъ десятыхъ мы вамъ никакъ положить не можемъ.

Однимъ словомъ, тутъ все досконально расчитано вплоть до послѣдняго мизинца, — и на все своя такса. Съ болью въ душѣ нефтяные короли уступаютъ изъ своихъ милліоновъ несчастные гроши и копѣйки на пользу увѣчныхъ и все дрожатъ: а вдругъ мы дадимъ десятую часть этой копѣйки такому рабочему, который искалѣченъ только на одну двадцатую часть? Интересно знать, какого вознагражденія заслуживаетъ по ихъ мнѣнію такой рабочій, у котораго снесло голову? и какая будетъ разница, если шея будетъ торчать вправо или влѣво?

Такъ скупятся и жадничаютъ капиталисты, когда рѣчь идетъ о какой нибудь мѣрѣ на пользу рабочаго. Но когда требуется выковать для этого рабочаго новыя цѣпи, — они охотно раскрываютъ свои кошельки и пригоршнями выбрасываютъ изъ нихъ золото для палачей, усмиряющихъ рабочихъ. Тотъ же самый съѣздъ, котораго такъ напугали 48 к. на пользу рабочаго, самъ обратился къ правительству съ просьбой прислать новыхъ

казаковъ на ихъ рудники и заводы и согласился самъ содержать этихъ казаковъ: безъ всякихъ возраженій было отпущено на первый годъ 130 тысячъ рублей, а на слѣдующій еще 45 т. На этихъ заводахъ и безъ того была уже охрана по расчету одного казака на 200 рабочихъ, но съѣзду она показалась недостаточной. По мнѣнію съѣзда, такая охрана „не представляетъ той необходимой гарантіи (обезпеченія), которая является всегда и всюду первымъ условіемъ для правильнаго развитія промышленности". Для того, чтобы было ясно, что наши горнозаводчики разумѣютъ подъ „правильнымъ развитіемъ", послушаемъ инженера Коха, который во время брянскаго процесса далъ на судѣ такое показаніе: „Чтобы справиться съ этими разбойниками (онъ имѣетъ въ виду рабочихъ), я ввелъ у себя желѣзную дисциплину. Необходимо было пріучить рабочихъ къ тому, чтобы они не смѣли и дышать безъ позволенія. Для этого приходилось иной разъ по звѣрски расправляться съ ними". Для этого же была введена особая осетинская стража, которая и вызвала волненіе среди рабочихъ. Такъ говоритъ человѣкъ на судѣ, во всеуслышаніе. Можно вообразить, что происходило въ дѣйствительности!

Такими же осетинцами, въ родѣ самого Коха, горнозавдчики собираются наводнить свои рудники и заводы. И они едва-ли раскаются въ своей щедрой расточительности. Они знаютъ, что эти сотни тысячъ рублей они не зарываютъ въ мертвую землю. Они знаютъ, что собственными силами они не всегда въ состояніи выжать изъ рабочаго столько барыша, сколько выбьетъ изъ него нагайка, выстегаетъ кнутъ, выколотятъ ружейные приклады. Они знаютъ, что подъ охраной этихъ звѣрей золотой потокъ будетъ непрерывной струей стремиться къ ихъ карманамъ. Они знаютъ, что эта дикая орда безъ всякой жалости и человѣчности забьетъ на смерть всякое недовольство среди рабочихъ. Они знаютъ все это, а потому безъ всякаго сожалѣнія затрачиваютъ сотни тысячъ рублей на усиленіе казацкой охраны. Да,

вѣдь, притомъ эта сотня только что награблена у тѣхъ же рабочихъ. И они, вѣроятно, весело и злорадно потираютъ свои руки. „Ага! бунтовать, голубчики! — нѣтъ, мы заставимъ васъ на ваши же средства содержать тѣхъ палачей, которые завтра будутъ усмирять и истязать васъ!“

Таково „правильное развитіе“ нашей промышленности. Какъ раньше, такъ и до сихъ поръ основными ея устоями служатъ: казенные милліоны, казаки и нагайки. Выше этого наша промышленность до сихъ поръ развиться не сумѣла.

А въ заключеніе еще одна картинка. Промышленный застой прошлаго года разорилъ нѣсколькихъ промышленныхъ дѣльцовъ, и одинъ изъ нихъ, милліонеръ Мамонтовъ, попалъ на скамью подсудимыхъ. Онъ обвинялся въ томъ, что растратилъ 6 милліоновъ чужихъ денегъ. Судебное слѣдствіе показало, что этотъ крупный денежный воротила страдалъ той же болѣзнью, какой страдаютъ и многіе изъ его товарищей: онъ совершенно не отличалъ чужихъ денегъ отъ своихъ и норовилъ и тѣ, и другія запрятать въ собственные карманы. Это былъ очень яркій и видный представитель капиталистовъ. Его арестъ вызвалъ тревогу и шумъ по всей Москвѣ. И вотъ, когда наступилъ судный день, вся зала суда была биткомъ набита собравшейся публикой: здѣсь было много денежныхъ тузовъ, которые не могли не питать въ душѣ сочувствія къ судьбѣ своего товарища, — вѣдь каждый изъ нихъ могъ легко угодить на его же мѣсто. Но здѣсь было много и простыхъ безденежныхъ лицъ, которые привыкли благоговѣть передъ капиталомъ, а въ особенности передъ милліонами. Развѣнчанный милліонеръ продолжалъ оставаться въ глазахъ этой рабской толпы все тѣмъ же кумиромъ, и она продолжала молиться на него, хотя онъ сидѣлъ уже на скамьѣ подсудимыхъ. Въ концѣ концовъ судъ превратился въ какое то сплошное торжество для Мамонтова. Публика смотрѣла на него, не какъ на подсудимаго, а

какъ на своего героя, какъ на главу капитала, какъ на олицетворенное золото.

Это была своего рода символическая картина. То была передъ нами уже не скамья подсудимыхъ, — это былъ тронъ, на которомъ возсѣдалъ вѣнценосный глава русскаго капитала — Мамонтовъ. Лучшія свѣтила адвокатскаго міра столпились у подножія этого трона и съ благоговѣніемъ взирали на новаго владыку Россіи. Адвокатъ Плевако такъ и закончилъ свою рѣчь: „отвѣшиваю предъ тобою свой низкій поклонъ“.

Это былъ коронаціонный день русскаго капитализма. Когда изъ совѣщательной комнаты вышелъ судъ и вынесъ оправдательный приговоръ завѣдомому грабителю, благодаря которому не одинъ милліонъ народныхъ денегъ ухнулъ въ бездонную пропасть капитализма, раздался громъ восторженныхъ рукоплесканій: то собравшаяся публика привѣтствовала возрожденіе капитализма. Тамъ, за стѣнами этого роскошнаго зданія умираетъ съ голоду русскій крестьянинъ, обворованный до послѣдней нитки на пользу разныхъ деревенскихъ Мамонтовыхъ; тамъ стонетъ русскій рабочій, осужденный промышленнымъ застоемъ на безработицу; тамъ изъ фабрикъ и заводовъ длинной вереницей тянутся хромые, безрукіе, увѣчные — все жертвы промышленной жадности разныхъ Мамонтовыхъ; тамъ, на днѣ обваливающагося рудника, подъ глыбами земли и кусками каменнаго угля задыхается рабочій, который добывалъ этотъ самый, придушившій его теперь, уголь для разныхъ мамонтовскихъ предпріятій; тамъ огненныя нефтяныя волны пожираютъ цѣлыя десятки человѣческихъ жизней, виновныхъ лишь въ томъ, что нужда и голодъ загнали ихъ въ рабство нефтяныхъ Мамонтовыхъ; — а виновникъ всего этого, Мамонтовъ, открыто лобызается съ публикой. Да здравствуетъ капиталъ! Дорогу ему! Дорогу ему! Онъ построитъ намъ фабрики, куда голодъ загонитъ тысячи рабочихъ и заставитъ ихъ день за днемъ, часъ за часомъ напрягать всѣ свои силы, чтобы мы могли утопать

въ роскоши и довольствѣ; онъ проложитъ намъ желѣзныя дороги и длинные поѣзда, нагруженные награбленнымъ у мужика хлѣбомъ, повезутъ его прочь отъ голоднаго мужика, туда, заграницу, чтобы вымѣнять его на столь нужное для насъ золото, — повезутъ по дорогѣ, усѣянной русскими костями. Капиталъ идетъ! дорогу ему! онъ сумѣетъ выжать изъ рабочаго послѣдніе соки, онъ сумѣетъ при помощи кнута, нагаекъ и насилія спасти насъ отъ ярости рабочихъ въ тотъ день, когда они двинутся на приступъ, чтобы сбросить съ себя позорное иго неволи.

И онъ, этотъ капиталъ, идетъ твердой поступью среди этихъ пресмыкающихся рабовъ, идетъ въ сознаніи, что онъ владыка въ этомъ царствѣ.

„Теперь я воспрянулъ духомъ и вновь буду такимъ же, какимъ былъ раньше“ (это подлинныя слова Мамонтова, сказанныя имъ послѣ оправданія). Эти грозныя слова къ тебѣ обращены, рабочій! Твой властелинъ, на минуту поникнувшій головой, снова воспрянулъ духомъ. Онъ обѣщаетъ тебѣ быть такимъ же, какимъ онъ былъ прежде. Онъ снова выкуетъ тебѣ цѣпи, онъ снова поплетъ тебя въ адскій пламень, онъ снова спуститъ тебя въ рудничныя бездны, въ подземное царство, онъ снова ввергнетъ тебя въ геенну огненную нефтяного моря, — и все для того, чтобы ты и изъ земли, и изъ огня, и изъ моря принесъ ему богатства. Но не позабывай, что этотъ капиталъ, у котораго изъ головы и изъ пятокъ сочится его собственная душевная грязь и твоя рабочая кровь, — не позабывай, рабочій, кого ты долженъ ненавидѣть и на землѣ, и подъ землей. Онъ твой неумолимый врагъ, и только сильная и смѣлая ненависть спасетъ тебя отъ вѣчнаго рабства!

Рабочіе и правительство.

Правительство, щедрой рукой пересыпающее народныя деньги въ карманы капиталистовъ, заботливо охраняетъ ихъ интересы въ борьбѣ съ рабочими. Когда капиталъ грабитъ рабочаго, отнимаетъ у него и силы, и здоровье, обращаетъ его въ раба машины, увѣчитъ рабочаго и грабитъ десятки жизней, — правительство молчитъ и не думаетъ вмѣшиваться въ ихъ отношенія. Но достаточно рабочему хоть слегка, хоть въ чемъ-нибудь проявить свое недовольство, — и правительство со своими казаками и жандармами — тутъ какъ тутъ. Мы знаемъ, что ни одна стачка не обходится безъ того, чтобы въ нее не вмѣшалось правительство. Правительство само кормится на счетъ тѣхъ барышей, которые капиталисты такъ умѣло выжимаютъ изъ своихъ рабочихъ. Какъ же ему оставить ихъ безъ помощи въ такое трудное время? И вотъ едва только рабочіе заговорятъ о прибавкѣ платы, о сокращеніи рабочаго дня или еще о чемъ нибудь подобномъ, — какъ уже летятъ казаки, размахивая нагайками, скачутъ жандармы, выростаютъ, какъ изъ подъ земли, солдаты съ ружьями. И начинается жестокая расправа. Избитые рабочіе силой загоняются на фабрики — эти громадныя каторжныя тюрьмы, — и снова тодъ грохотъ машинъ начинается старый подневольный трудъ. Вожаки же и наиболѣе развитые рабочіе разсовываются по тюрьмамъ или ссылаются въ далекую Сибирь. Послѣднее время было особенно богато событіями такого рода. Рабочіе, бунтуя противъ своихъ хозяевъ, силою вещей наталкиваются на правительство, стоящее за спиной этихъ хозяевъ. Достаточно вспомнить хотя бы, напр., распоряженіе саратовскаго вице-губернатора, который грозилъ наслать на желѣзнодорожныхъ рабочихъ войско и полицію, если они не вернутся назадъ въ свои мастерскія и не примутся снова за работу. То же было и въ Тамбовѣ. То

же было въ разное время и въ разныхъ другихъ городахъ, гдѣ только рабочіе пробовали дать отпоръ своимъ хозяевамъ, вытребовать отъ нихъ самыя мелкія уступки.

Вездѣ казаки, жандармы и солдаты. Вездѣ нагайки, тюрьмы и ружейные выстрѣлы. Правительство горой стоитъ за фабрикантовъ и всѣ свои силы отдаетъ въ ихъ распоряженіе. Поэтому то рабочіе и должны вступить въ борьбу съ самимъ правительствомъ. Пока они не справятся съ нимъ, до тѣхъ поръ ихъ борьба съ капиталистами не приведетъ ни къ чему. Рабочій долженъ получить голосъ въ правительствѣ (завладѣть политической властью), разогнать арміи жандармовъ и шпіоновъ, долженъ добиться политической свободы, — иначе онъ будетъ вѣчно находиться въ рабствѣ у своихъ хозяевъ. Правительство само понимаетъ, что рабочіе рано или поздно должны будутъ вступить на путь политической борьбы и потребовать уничтоженія того самодержавія, которое въ союзѣ съ капиталомъ безчинствуетъ по всей Россіи. Оно чувствуетъ, что въ лицѣ рабочихъ растетъ новая политическая сила, которая въ недалекомъ будущемъ смететъ съ лица земли русское самодержавіе. Поэтому то оно такъ и боится рабочаго движенія и старается его задавить въ самомъ зародышѣ. Оно хочетъ убить въ рабочихъ всякое сознаніе своей силы и потому такъ жестоко расправляется всякій разъ, какъ они начинаютъ чего нибудь требовать, хотя бы ихъ требованія даже въ глазахъ самого правительства были вполнѣ справедливы. Поэтому то оно иногда не позволяетъ даже самимъ фабрикантамъ оказывать уступки рабочимъ. Такъ было, напримѣръ, въ Петербургѣ въ 96 и 97 г.г. Нѣкоторые фабриканты соглашались исполнить требованія рабочихъ, лишь бы они стали на работу. Но вмѣшалось правительство и не позволило имъ этого сдѣлать. Оно боялось, что за первыми требованіями рабочихъ послѣдуютъ новыя требованія, а тамъ доберутся и до самого правительства. Не то его

пугало и возмущало, что рабочіе вмѣсто 12 - 13 часовъ будутъ работать только по 10 - 11 часовъ въ сутки (съ этимъ оно еще готово было помириться), а то, что этого сокращенія рабочаго дня рабочіе *сами* добились, а не пожаловано оно имъ въ видѣ царскаго подарка. Оно боится, что рабочіе, сознавъ свою силу, научатся *требовать*, и потому оно поставило себѣ за правило — отвѣчать на всѣ требованія штыками да выстрѣлами. Такъ министръ Сипягинъ послѣ мартовскихъ событій разослалъ всѣмъ губернаторамъ циркуляръ (приказъ), въ которомъ требуетъ, чтобы они военной силой разгоняли всякія народныя толпы. Для чего бы ни собралась толпа, какъ бы мирно и спокойно она себя ни вела, — все равно, пали въ нее изъ ружей, сѣки нагайками, разводи по тюрьмамъ, она виновата уже тѣмъ, что она есть толпа. Правительство знаетъ, что, когда рабочій привыкнетъ выступать не какъ отдѣльный человѣкъ, а какъ часть всего народа, привыкнетъ выступать въ толпѣ, — дни правительства будутъ сочтены. Поэтому то оно и боится такъ толпы. Отдѣльный человѣкъ для него не страшенъ. Съ нимъ оно всегда справится. Но толпа — это другое дѣло. Толпа — это уже сила. И оно боится, что эта толпа, пока еще маленькая, рано или поздно вырастетъ въ громадную толпу, которую уже не задавить казаками, не передушить солдатскими штыками, не перестрѣлять ружейными выстрѣлами. И оно страшно боится этого грознаго для себя дня и всѣ средства принимаетъ къ тому, чтобы задержать его наступленіе.

А пока, въ ожиданіи этого дня, оно старается еще сильнѣе затянуть ту петлю, которая виситъ на шеѣ каждаго русскаго обывателя. Всю Русь оно наводнило шпіонами и жандармами. Фабрики и заводы кишатъ ими. Напримѣръ, въ Петербургѣ на главныхъ заводахъ ихъ содержится по разсчету 1 на 50! Изъ каждыхъ 50 человѣкъ одинъ шпіонъ! Громадныя деньги затрачиваются на содержаніе этой громадной арміи. Но правительство не скупится. Оно знаетъ, что эти деньги идутъ на

поддержаніе его политической власти. Оно знаетъ, что каждая правдивая книжка, каждый сознательный рабочій подрываютъ довѣріе многихъ рабочихъ къ правительству и толкаютъ ихъ на путь той борьбы, которая прежде всего приведетъ къ уничтоженію самого правительства. Поэтому-то оно такъ упорно и разыскиваетъ эту книженку и такъ жестоко преслѣдуетъ каждаго рабочаго. Оно борется не только за капиталистовъ, оно борется при этомъ и за себя, какъ правительство. Поэтому-то ему показалась не достаточной обыкновенная полиція и въ прошломъ году оно создало для рабочихъ особую полицію, фабричную. На каждомъ заводѣ и фабрикѣ можно встрѣтить теперь конныхъ и пѣшихъ урядниковъ, казаковъ съ нагайками; все ихъ дѣло заключается въ томъ, чтобы по первому слову хозяевъ броситься на безоружную толпу рабочихъ и избить ее до полусмерти. А если и на тотъ свѣтъ кого отправятъ, — такъ и это не бѣда. Вѣдь, за разную „сволочь“ казаки передъ начальствомъ не отвѣчаютъ. Если вы загляните когда-нибудь въ списокъ правительственныхъ распоряженій (онъ ежедневно печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“), то вы обязательно среди нихъ найдете два или три распоряженія объ учрежденіи должности новаго пѣшаго или коннаго урядника при томъ или иномъ заводѣ. Скоро за спиной почти каждаго рабочаго будетъ стоять свой ангелъ-хранитель въ видѣ коннаго урядника или казака съ нагайкой!

Для рабочихъ правительство создало особую полицію, для нихъ же оно создаетъ особые законы. Не особенно давно вышелъ новый указъ министра: онъ объявилъ, что рабочихъ, виновныхъ въ безпорядкахъ ,онъ будетъ отдавать подъ военный судъ. Это значитъ, что рабочихъ будутъ судить тѣ же самые солдаты и казаки, которые предварительно ихъ переколотили и перестрѣляли. Военный судъ тѣмъ и отличается отъ простого суда, что тамъ за каждую провинность назначаютъ смертную казнь да каторжныя работы. Министръ повидимому бо-

ится, что обыкновенный судъ отнесется къ рабочему слишкомъ снисходительно. Какая правда и милость на самомъ дѣлѣ царитъ въ этомъ судѣ, — рабочіе теперь прекрасно знаютъ. Эти правда и милость заключаются въ томъ, что рабочихъ сначала порятъ до полусмерти нагайками, какъ это было съ максвеллевскими рабочими въ 98 г., или угощаютъ ружейными выстрѣлами, какъ это было въ прошломъ году съ обуховцами, — а потомъ на судѣ засаживаютъ еще въ тюрьмы и остроги. Сначала высѣкутъ или изувѣчатъ, а потомъ еще накажутъ за то, что подвернулся палачамъ подъ злую руку. Но, однако, и такой правдой-милостью не довольно царское правительство. Его возмущаетъ самая мысль, что рабочіе могутъ судиться, то есть выступать на судѣ, какъ равный съ равнымъ, съ жандармами и полиціей. И притомъ судъ, какъ ни какъ, всетаки судъ: нынче онъ на каторгу пошлетъ, завтра въ тюрьму засадитъ, а послѣ завтра возьметъ да оправдаетъ. Кромѣ того, этомус уду хотя бы для вида всетаки необходимо представлять доказательства, тамъ вспомнятъ и о нагайкѣ, и о кнутѣ, и о солдатахъ, — правительство очень не любитъ, когда слишкомъ много говорятъ объ этомъ. И вотъ правительство измышляетъ разныя средства, чтобы избавиться даже отъ тѣни суда. Въ 1881 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи была введена усиленная охрана. Усиленная охрана уничтожаетъ всѣ законы, всѣ суды. Она все передаетъ въ руки того главнаго чиновника, въ чье полное распоряженіе царь отдаетъ милліоны русскихъ обывателей. Захочетъ этотъ чиновникъ — и запрячетъ всѣхъ ненавистныхъ ему людей въ тюрьмы и остроги. Даже пожаловаться на него нельзя. Усиленная охрана усиляетъ власть губернатора, жандармовъ, увеличиваетъч исло городовыхъ; при дѣйствіи ея каждый обыватель превращается въ военноплѣннаго, съ которымъ можно сдѣлать все, что угодно*). И вотъ за послѣднее время прави-

*) Какъ военноплѣннымъ, обывателямъ запрещено носитьору жіе,

тельство вводитъ эту усиленную охрану все въ новыхъ и новыхъ мѣстахъ. Весной прошлаго года оно ввело ее въ Елизаветградскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ фабричныхъ городахъ юга, потомъ вышелъ новый указъ министра: ее ввели еще въ 16 городахъ. Послѣдніе уличные безпорядки доказали правительству, что одними старыми средствами оно не въ силахъ справиться съ все растущимъ общественнымъ движеніемъ. И правительство, не задумываясь, переводитъ все новые милліоны русскихъ обывателей на положеніе военноплѣнныхъ. Россія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе становится похожей на завоеванную страну. Правительство — это иностранное войско, которое ворвалось въ мирную страну, не привыкшую къ грому оружій, и поработило ее. Вездѣ раздаются военные кличи, вездѣ солдаты и жандармы, вездѣ брянчитъ оружіе. Правительство знаетъ, что въ этой завоеванной и обобранной странѣ оно скоро не найдетъ ни одного человѣка, котораго оно могло бы считать своимъ искреннимъ другомъ. Оно можетъ найти шпіоновъ и предателей, но искреннихъ сторонниковъ— никогда. Вездѣ оно чуетъ измѣны и заговоры. По улицамъ ходятъ цѣлыя ватаги шпіоновъ и слѣдятъ за проходящими мимо обывателями. Всѣ тюрьмы и остроги заполнены. Сажать больше некуда. Къ чему приводитъ эта усиленная охрана, можно видѣть изъ того чудовищнаго факта, что въ Одессѣ за одинъ прошлый годъ въ тюрьмѣ перебывала одна восьмая часть взрослаго населенія. И такъ изъ каждыхъ восьми человѣкъ одинъ отсиживаетъ въ тюрьмѣ. Если бы соблюдалась правильная очередь, то втеченіе каждыхъ 8 лѣтъ все*) населеніе Одессы до послѣдняго человѣка перебывало бы въ тюрьмахъ.

Такъ правительство старается задавить обществен-

и всякій, у кого найдутъ какой-либо заржавѣлый ножикъ, засаживается въ тюрьму.

*) Все взрослое населеніе Одессы.

ное движеніе. Гдѣ это можно, оно пускаетъ въ ходъ штыки и пули. Гдѣ же штыки и пули не въ силахъ задавить революціонную мысль, — тамъ оно выступаетъ на другой путь мелкихъ уступокъ. Такъ въ 1882 г. послѣ сильныхъ рабочихъ волненій, вызванныхъ промышленнымъ кризисомъ, оно „подарило“ имъ фабричныхъ инспекторовъ. 10 лѣтъ спустя, въ 97 г., послѣ петербургскихъ стачекъ оно сократило рабочій день до одиннадцати съ половиной часовъ. Теперь оно поговариваетъ о государственномъ страхованіи рабочихъ, предоставляетъ нѣкоторымъ рабочимъ право устраивать собранія. Вѣроятно оно дастъ и еще больше, если будетъ увѣрено, что этими призрачными уступками оно сумѣетъ задержать политическое развитіе рабочихъ. Эти мелкія уступки не страшны правительству. Отъ нихъ оно ничего не потеряетъ. Не потеряютъ и капиталисты. Вѣдь высшій надзоръ надъ всей русской жизнью, высшій гнетъ надъ нею, политическое самовластіе останутся по прежнему въ рукахъ правительства. И оно всегда можетъ свести на нѣтъ всѣ эти ничтожныя уступки. обратить ихъ даже противъ самихъ рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣ мы знаемъ, что фабричные инспектора изъ защитниковъ рабочихъ превратились въ ихъ шпіоновъ, сокращенный рабочій день существуетъ только на бумагѣ да въ тѣхъ книгахъ, которыя правительство посылаетъ на заграничныя выставки для похвальбы передъ иностранцами, — а рабочіе его и не видали; московскія организаціи рабочихъ постепенно превращаются въ шпіонскія организаціи. Посмотрите, напримѣръ, что правительство сдѣлало съ фабричными инспекторами. По закону они должны бы быть защитниками рабочихъ. Такими они и являются на Западѣ, гдѣ есть политическая свобода, и гдѣ они независимы отъ правительства. А наше самодержавное правительсво постаралось превратить ихъ въ дополнительныхъ шпіоновъ. Министерство имъ разсылаетъ разные тайные циркуляры и требуетъ отъ нихъ, чтобы они не смѣли потакать рабочимъ, а стояли бы за фабрикантовъ.

Наиболѣе честныхъ изъ нихъ, которые по недоразумѣнію попали на это мѣсто, правительство давно уже прогнало. Остались почти одни только чиновники, которые не хуже любого жандарма могутъ притѣснять рабочаго. Недавно министръ разослалъ имъ новый циркуляръ, въ которомъ требуетъ, чтобы они во время стачекъ и волненій слѣдили за рабочими и обо всѣхъ „агитаторахъ“ (подстрекателяхъ) доносили бы по начальству. Чего же еще больше? Фабричные инспектора — это теперь по замыслу правительства тѣ же шпіоны, но только не простые, чиновные. Въ нынѣшнемъ году Департаментъ Полиціи хлопоталъ, чтобы всѣхъ фабричныхъ инспекторовъ подчинили ему, то есть зачислили по полицейскому вѣдомству. И это было бы вполнѣ разумно и вполнѣ совпадало бы съ ихъ дѣйствительнымъ предназначеніемъ въ жизни. Такимъ образомъ, вотъ въ концѣ концовъ къ чему привела эта „уступка“ правительства: къ тому, что у рабочихъ стало только больше шпіоновъ. И такъ будетъ со всякой „уступкой“ самодержавія: пока политическая власть остается въ его рукахъ, до тѣхъ поръ всѣ подобныя „уступки“ не приведутъ ни къ чему, и борьба за нихъ только приведетъ къ ослабленію рабочаго движенія. Рабочіе должны прежде всего уничтожить, раздавить того врага, который стоитъ за спиной капитала, стоитъ, огражденный солдатскими штыками, жандармами и шпіонами; того врага, который тяжелымъ кошмаромъ давитъ на грудь всего русскаго общества, — и этотъ врагъ есть русское самодержавіе. Пока хоть тѣнь, хоть призракъ самодержавія будетъ сидѣть на царскомъ тронѣ, до тѣхъ поръ будутъ рабочіе по прежнему оставаться рабами. Этотъ самодержавный призракъ уже сотни лѣтъ продолжаетъ нагло глумиться надъ всей Россіей, и пока его тронъ будетъ твердо и непоколебимо стоять среди милліоновъ покорныхъ и безмолвныхъ рабовъ, среди потоковъ золота и народной крови, — до тѣхъ поръ Россія будетъ по прежнему оставаться страной азіатскаго насилія, до тѣхъ поръ она будетъ по прежъ-

нему служить вѣчной угрозой для всякой свободы, до тѣхъ поръ капиталъ будетъ по прежнему безгранично властвовать надъ рабочимъ и всѣ „уступки“ на пользу послѣдняго превратятся въ одно сплошное издѣвательство надъ нимъ. Долой же этотъ призракъ, загораждающій дорогу къ царству свободнаго труда и вольной жизни, — пусть въ дребезги разлетится его позорный тронъ, и пусть вихрь народной революціи навсегда, безвозвратно унесетъ въ тьму прошлаго тѣни тѣхъ изступленныхъ тирановъ, которые цѣлыми вѣками душили русскую жизнь!

Дворяне, крестьяне и правительство.

Мы видѣли, какъ правительство жестоко преслѣдуетъ рабочихъ и какъ бережно оно охраняетъ интересы капитала. Оно все на сторонѣ грабителей. Оно все на сторонѣ тѣхъ пьявокъ, которыя сосутъ народную кровь. Но эта народная кровь струится не только на фабрикахъ, рудникахъ и заводахъ, — каждая деревня есть такая-же фабрика, гдѣ день за днемъ, часъ за часомъ идетъ такой же наглый грабежъ, какъ и въ городѣ. Вся разница только въ названіи: въ городѣ обираютъ рабочаго, въ деревнѣ обираютъ мужика. Въ городѣ — безработица, въ деревнѣ — голодъ. Мы видѣли, что дѣлаетъ правительство по случаю безработицы: милліоны рублей оно отдаетъ капиталу, а для труда, для рабочихъ оно строитъ только новыя тюрьмы да заводитъ новыхъ жандармовъ. Посмотримъ же, что оно дѣлаетъ въ деревнѣ по случаю голода. Въ деревнѣ, кромѣ кулаковъ, есть свой главный грабитель, замѣняющій городского фабриканта, — это дворянинъ-помѣщикъ. Посмотримъ же теперь, какъ благодѣтельствуетъ правительство этого деревенскаго грабителя и какъ безчеловѣчно оно отдаетъ въ жертву голодной смерти ограбленнаго мужика.

Дворянинъ довольно безпечно жилъ подъ крылышкомъ крѣпостного права на счетъ того самаго мужика, котораго онъ въ благодарность за „кормленіе“ иной разъ нещадно дралъ на конюшнѣ розгами. Но вотъ наступили для него трудныя времена; мужикъ, его кормилецъ и поилецъ, былъ отнятъ у него въ 61 году и вышелъ на свободу. Правда, онъ былъ освобожденъ не только отъ крѣпостныхъ цѣпей, — онъ былъ „освобожденъ“ и отъ лучшей своей земли, которая осталась въ рукахъ помѣщика; правда и то, что помѣщикъ черезъ правительство успѣлъ содрать съ мужика нѣсколько сотъ милліоновъ рублей „выкупныхъ“, — но вѣдь глупому сыну не въ помощь богатство. Проѣвъ и промотавъ народные милліоны, нашъ разорившійся баринъ сталъ бросать умильные взоры на царя-батюшку, — не пожертвуетъ ли онъ съ своего стола нѣсколько крохъ въ пользу „голодающаго.“ Правительство по своему сердоболью ко всѣмъ богатымъ и знатнымъ, — конечно, поспѣшило на встрѣчу этому нищему. Былъ устроенъ особый дворянскій банкъ, — это своего рода благотворительное учрежденіе, которое раздаетъ на право и на лѣво промотавшимся дворянамъ народныя деньги. Но этого оказалось мало. Дворянинъ продолжалъ проѣдать и то, что ему бросали съ царскаго стола. Онъ не могъ иначе, какъ со вздохомъ грусти, вспоминать о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда онъ по царски распоряжался тысячами своихъ подданныхъ-крестьянъ въ деревнѣ. Мечты дворянства были направлены все туда-же, въ сторону крѣпостного права. Правительство стало раскаиваться въ томъ, что выпустило изъ клѣтки золотую птичку. И вотъ для прокорма всѣхъ этихъ праздношатающихся, изголодавшихся дворянъ была создана особая должность — земскаго начальника. Это было отчасти возстановленіе крѣпостного права. Въ деревнѣ снова появилась грозная фигура взамѣнъ упраздненнаго барина. Новый баринъ снова сталъ распоряжаться личностью крестьянина. Правда, на барщину онъ своихъ рабовъ не посыла-

еть, но взамѣнъ барщины и оброка правительство изъ тѣхъ же народныхъ денегъ выдаетъ ему изрядное жалованье. Въ прошломъ году число этихъ новыхъ городовыхъ въ дворянскомъ мундирѣ значительно увеличилось: съ 1-го октября они воцарились еще въ 13 западныхъ губерніяхъ, которыя до тѣхъ поръ еще были свободны отъ этой язвы. Но и этого все еще было мало. Чѣмъ больше давало правительство, тѣмъ больше наглѣло дворянство. Промотавъ свои родовыя имѣнія, оно стало теперь бросать алчные взоры на богатую и обширную Сибирь. Раньше тамъ дворянамъ дѣлать было нечего. Дворянину нужны не только земли, а главнымъ образомъ рабы, которые могли бы обработывать эту землю и продукты своего труда ссыпать въ его житницы. Милліоны русскихъ крестьянъ, которыхъ разорили еще при освобожденіи въ 61 году, а потомъ окончательно доканали подати, — за послѣднее 10-ти лѣтіе населили этотъ пустынный край и внесли хоть нѣкоторую человѣческую обстановку въ это сплошное звѣриное царство. Хоть тутъ, въ далекой и глухой Сибири, среди необъятнаго простора горъ и лѣсовъ, они мечтали цѣной покинутой родины отвоевать себѣ свободу отъ мелкихъ дворянскихъ хищниковъ и отъ новаго крѣпостничества. Но зоркій глазъ правительства продолжалъ слѣдить за ними и въ Сибири. Правительство не могло помириться съ мыслью, что гдѣ то въ опекаемой и разоряемой имъ Россіи есть уголокъ, гдѣ еще можетъ сравнительно спокойно и вольно дышать мужикъ, и гдѣ еще не каждая его копѣйка уходитъ въ чужіе карманы. И вотъ по слѣдамъ этихъ крестьянъ уже готовы двинуться тѣ дворяне, которые разорили ихъ до тла въ Россіи и теперь мечтаютъ вторично обобрать ихъ въ Сибири. Лѣтомъ прошлаго года вышелъ новый законъ, который имѣетъ цѣлью создать дворянское землевладѣніе въ Сибири. Мы не станемъ касаться всѣхъ подробностей новаго закона. Укажемъ только на то, что онъ почти задаромъ отдаетъ дворянамъ милліоны десятинъ

богатѣйшей земли. Каждый дворянинъ, если онъ только удостоится этой милости со стороны двухъ министровъ, получитъ право заарендовать до 3000 десятинъ земли, причемъ въ теченіи первыхъ 5 лѣтъ онъ ни копѣйки платить не будетъ. Громадныя земли однимъ взмахомъ пера перейдутъ въ собственность промотавшагося дворянства.

Сибирь до сихъ поръ спасала многихъ и многихъ крестьянъ отъ голодной смерти. Въ Россіи — голодъ и малоземелье. Кормиться мужику нечѣмъ. И вотъ тысячи этихъ голодныхъ мужиковъ бѣгутъ въ города и сбиваютъ тамъ заработную плату городскихъ рабочихъ. Заработки ихъ и безъ того поразительно низки, западный рабочій называетъ ихъ нищенскими. Наши рабочіе уже давно борются за повышеніе этихъ заработковъ, но до сихъ поръ эта борьба не привела почти ни къ чему: русскій рабочій остается по прежнему такимъ же полунищимъ существомъ, какимъ онъ былъ 10-20 лѣтъ тому назадъ. Главной причиной неуспѣха этой борьбы является несомнѣнное разореніе деревни. Капиталъ душитъ не только городского рабочаго: вмѣстѣ съ правительствомъ онъ еще больше грабитъ деревню, выжимаетъ изъ нея послѣдніе соки. И оттуда теперь ежегодно, спасаясь отъ голодной смерти, бѣжитъ цѣлая армія голодныхъ крестьянъ. Часть этой голодной волны уносилась раньше въ Сибирь, на новыя земли. Ежегодно переселенческая волна выбрасывала въ Сибирь до 200 тысячъ крестьянъ. Это была настоящая голодная армія. Сколько изъ этихъ 200 тысячъ гибло въ пути отъ голода, холода, болѣзней! Путь этой волны обозначался сотнями и тысячами труповъ. Мерли взрослые, еще больше мерли ребятишки. Правительство ставило на пути этой волны преграды за преградами: съ какой-то безчеловѣчной жестокостью оно старалось снова вогнать ихъ въ тотъ гробъ, изъ котораго они только что выползли, снова заколотить надъ ними сосновую крышку. Но живая жизнь брала свое. Эти 200 тысячъ жи-

выхъ, хотя и полу-мертвыхъ отъ голода существъ продолжали упорно биться о гробовую крышку, продолжали ползти изъ этого гроба, больные, несчастные, измученные, продолжали обходить всѣ препятствія, усѣивая ихъ своими костями, продолжали двигаться далѣе, туда, въ далекую Сибирь, которая манила ихъ къ себѣ земельнымъ просторомъ, какъ нѣкогда путеводная звѣзда манила библейскихъ волхвовъ. Правительство не могло справиться съ этимъ народнымъ движеніемъ — и должно было уступить. Но не надолго. Теперь оно взялось за дѣло съ другого конца. Теперь въ удобныхъ вагонахъ помчится толпа промотавшихся дворянъ, которые на картежную игру успѣли просадить свое состояніе, помчится для того, чтобы и тамъ, въ Сибири, продолжать грабить крестьянъ, какъ они испоконъ вѣковъ грабили ихъ въ Россіи. Одна газета сообщаетъ, что въ одной Кіевской губерніи уже до 400 дворянъ заявили о своемъ желаніи „переселиться“ въ Сибирь — на даровыя земли. Создается настоящее дворянское переселеніе. Когда 200 тысячъ бѣдняковъ притащатся въ Сибирь, они найдутъ тамъ однѣ только занятыя земли, и снова громадная толпа ихъ поплетется назадъ, къ покинутому гробу, чтобы окончательно сложить свои многострадальныя кости. Но прежде, чѣмъ добраться до своего гроба, эта толпа двинется въ города, будетъ толкаться въ двери всѣхъ фабрикъ и заводовъ, будетъ, какъ милостыни, искать себѣ работы. Не найдя ея для себя, она тѣмъ не менѣе страшно уронитъ заработокъ городскихъ рабочихъ. Капиталъ и безъ того распускаетъ свою рабочую армію, а тутъ у порога стоитъ новая толпа, готовая за нѣсколько грошей запродать себя въ рабство. Волна голода зальетъ теперь города и всѣ фабричныя области. Рабочему грозитъ теперь, благодаря новому закону, новое паденіе его скуднаго заработка. И кто можетъ обвинить голоднаго человѣка за то, что онъ хочетъ спасти себя отъ голодной смерти? Не деревня виновата въ томъ, что она подрываетъ городскіе заработки, — виновно въ этомъ

правительство, которое грабитъ деревню, обрекаетъ на голодную смерть милліоны крестьянъ и отнимаетъ у нихъ ради грабителей-дворянъ обширную Сибирь. Новый законъ направленъ не только противъ крестьянъ, онъ направленъ противъ всѣхъ трудящихся, въ томъ числѣ и рабочихъ.

Впрочемъ, не вся переселенческая волна вернется назадъ въ Россію: одна часть ея погибнетъ дорогой, другая останется въ Сибири. Дѣло въ томъ, что дворяне, хотя бы они захватили всю землю, безъ мужика ничего не могутъ сдѣлать. Мужикъ въ крѣпостное время былъ ихъ поильцемъ и кормильцемъ. Такимъ же онъ остался и теперь. Да развѣ уже наше время такъ сильно разнится отъ крѣпостного времени! Повсюду тѣ же рабы, милліоны рабовъ, и та же маленькая толпа сильныхъ своей наглостью рабовладѣльцевъ. Мужикъ нуженъ вездѣ, мужикъ нуженъ и въ Сибири. Правительство лишило его земли, но оставило ему возможность запродать себя въ рабство. И онъ пойдетъ къ помѣщику пахать ту самую землю, которая должна бы была достаться ему въ собственность, но онъ будетъ пахать ее, не какъ собственникъ, а какъ наемный рабъ того самаго помѣщика, которому даромъ, по одному царскому слову, достались тысячи десятинъ земли..

Съ закономъ можетъ выйти и проще. Дворянинъ, получивши почти даромъ царскій подарокъ, не захочетъ совсѣмъ марать своихъ рукъ о землю. Онъ, вѣдь, баринъ-бѣлоручка, а земля для людей съ грязными, мозолистыми руками. У него одинъ Богъ — деньги, и онъ продастъ даровую землю тѣмъ же крестьянамъ, но только по дорогой цѣнѣ. Крестьянину некуда дѣваться, онъ выложитъ и послѣдніе гроши; онъ заплатитъ и втридовога, чтобы только завладѣть хоть клочкомъ земли. Только вмѣсто того, чтобы получить эту землю отъ самого правительства, онъ получитъ ее черезъ вторыя руки. Эти вторыя — дворянскія — руки такъ услужливо выростутъ передъ крестьянами не для того, чтобы об-

лагодѣтельствовать ихъ. За свои услуги дворяне потребуютъ приличное дворянское вознагражденіе. О размѣрахъ этого вознагражденія можно судить по такимъ цифрамъ: въ Уфимской губерніи правительство разъ продало дворянамъ землю за 63 тысячи рублей, а они вскорѣ ее перепродали, главнымъ образомъ крестьянамъ, за 587 тысячъ рублей, т- е. почти въ 10 разъ дороже. Итакъ, за одну только перепродажу дворяне получили въ 10 разъ больше, чѣмъ стоила имъ самимъ земля! Это значитъ то же, какъ если бы я купилъ для тебя товару на одинъ рубль, а потребовалъ бы за эту услугу 10 рублей!

Голодъ и правительство.

Такъ правительство заботится о помѣщикѣ-дворянинѣ. Оно готово содрать съ нищаго послѣднюю рубашку, чтобы только удовлетворить алчные аппетиты дворянъ. Посмотримъ же, какъ оно заботится о крестьянахъ въ самой Россіи. А заботиться есть о чемъ. Голодъ въ деревнѣ сталъ столь же обычнымъ явленіемъ, какъ восходъ и заходъ солнца на небѣ. Что ни годъ, отовсюду несутся голодные стоны. Ежегодно многимъ милліонамъ крестьянъ не хватаетъ хлѣба. Многія тысячи ихъ умираютъ голодною смертью, другія многія тысячи питаются смѣсью мякины съ соломой и гибнутъ отъ голоднаго тифа, цынги и другихъ болѣзней. Третьихъ голодъ гонитъ вонъ изъ деревни, и они тысячами бѣгутъ въ города, сбиваютъ грошевые заработки рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ остаются сами совсѣмъ безъ работы, въ отчаяніи принимаются за грабежи, разбой и насилія и попадаютъ въ концѣ концовъ въ остроги и тюрьмы. Одной рукой правительство грабитъ мужика, а другой строитъ громадныя тюрьмы, куда и прячетъ ограбленныхъ имъ мужиковъ, когда голодъ доводитъ до престу-

пленій. Мужикъ, пахавшій господское поле, умираетъ съ голоду, а хлѣбъ, ссыпанный имъ же въ господскіе амбары, увозится заграницу, и на вырученныя деньги помѣщичья семья на балахъ и пирахъ веселится цѣлую зиму. Какія же мѣры принимаетъ правительство противъ голода? Дѣятельность его пока проявляется въ изданіи обширныхъ циркуляровъ да въ губернаторскихъ совѣтахъ голодному мужику — ѣсть поменьше. Газеты сообщаютъ, что Вятскій губернаторъ послѣ объѣзда своей голодной губерніи печатно выразилъ благодарность голодающимъ за то, что они умѣренно пользуются правительственной помощью. Почему крестьяне предпочитаютъ иной разъ лучше умереть, чѣмъ попользоваться лишней копѣйкой отъ правительства, — это осталось для насъ не вполнѣ понятнымъ. Понятна для насъ лишь радость губернатора по поводу того, что въ его рукахъ остается побольше „голодныхъ“ денегъ.

Раньше голодающимъ помогало земство. Хорошо или худо оно исполняло свое дѣло, но важно было то, что его дѣятельность была у всѣхъ на виду. Всякій могъ знать и слѣдить, куда тратятся деньги, назначенныя на голодающихъ. Да и въ самомъ земствѣ попадались иногда порядочные люди, которые искренно хотѣли помочь народу. Во всякомъ случаѣ на земскихъ собраніяхъ постоянно поднимались длинные разговоры по поводу голода, а черезъ земство и все остальное общество узнавало о народныхъ бѣдствіяхъ. Все это и приходилось не по вкусу правительству. Оно знало, что это оно своимъ грабительствомъ довело народъ до голодной смерти, но продолжало, не смотря на голодъ, по прежнему обирать голоднаго мужика, и ему было очень непріятно, что о мужикѣ и о голодѣ говорятъ всюду.

За излишніе разговоры о голодномъ мужикѣ оно сначала — еще въ 1901 году — накинулось на газеты. Наказало одну („Русскія Вѣдомости“), другія замолчали сами. Въ слѣдующемъ году оно набросилось на земство. Недавно вышелъ новый царскій указъ, который отнялъ

у земствъ завѣдываніе помощью голодающимъ и все это дѣло передалъ въ руки царскихъ чиновниковъ. Отнынѣ ободранной овцѣ будетъ помогать тотъ самый волкъ, который ободралъ ее. Мы уже видѣли, какъ заботится объ этой овцѣ вятскій волкъ въ губернаторскомъ мундирѣ. А теперь посмотримъ на другихъ волковъ. Вотъ напримѣръ, въ Саратовской губерніи губернаторъ поручилъ закупать хлѣбъ для голодныхъ своему чиновнику изъ дворянъ — Кропотову. Ему было дано много денегъ для этого. Хлѣбъ онъ принялся закупать у своихъ же товарищей-дворянъ. Ну, какъ не удружить родному человѣчку? Онъ и накинулъ лишній двугривенный на пудъ. Какъ они тамъ подѣлились между собой — это неизвѣстно, извѣстно только то, что изъ народныхъ денегъ они удержали въ своихъ дворянскихъ карманахъ тысячи рублей. Вотъ куда идутъ правительственныя деньги! Народъ посылаетъ въ Петербургъ, въ царскую казну, милліоны, изъ Петербурга ему высылаютъ на голодъ рубли, но и изъ нихъ въ деревню доходятъ только копейки, все остальное осѣдаетъ на пути въ карманы чиновниковъ. Газеты хотѣли писать о грабительствѣ Кропотова, но губернаторъ имъ этого не позволилъ.

Такъ помогаютъ чиновники народу. Правительство, вѣроятно, нарочно это дѣло отняло у земства и передало въ ихъ руки, чтобы дать имъ возможность заработать на черный день лишнюю копейку.

Правительство всѣ заботы направляетъ къ тому, чтобы дать голодному мужику какъ можно меньше. Оно съ большимъ удовольствіемъ отказалось бы отъ всякой помощи, но ему совѣстно передъ другими — очень ужъ разболтали повсюду объ этомъ проклятомъ мужикѣ! Да при томъ правительство боится, какъ бы этотъ мужикъ, оставленный совсѣмъ безъ помощи, въ пылу отчаянія не бросился бы на само правительство и не задушилъ бы его въ своей голодной ярости. Правительство боится бунта, народнаго возстанія. Поэтому оно, скрѣпя сердце, должно было пожертвовать въ пользу голодныхъ часть

тѣхъ милліоновъ, которые оно предварительно у нихъ награбило. Но, жертвуя, оно отмѣриваетъ своими дрожащими отъ скупости и злости пальцами самыя крохотныя порціи. Особымъ циркуляромъ оно объявило, что не дастъ голодному мужику больше 30 фунтовъ хлѣба въ мѣсяцъ, а то онъ, чего добраго, лопнетъ отъ излишней сытости. О томъ, что значатъ эти 30 фунтовъ, можно видѣть вотъ изъ чего. Въ старые голодные годы саратовскіе и воронежскіе крестьяне получали по 30 фунтовъ на душу, и въ результатѣ населеніе не только не не прибавилось, но стало убывать. Умирало гораздо больше, чѣмъ рождалось, тогда какъ обыкновенно бываетъ наоборотъ. Вычислено, что въ Саратовской губерніи при такой ничтожной помощи голодъ унесъ въ могилу около 4.000 человѣкъ. Иначе говоря, 30 фунтовъ въ мѣсяцъ означаютъ медленную смерть отъ истощенія. Правительство, выбрасывая дворянамъ сотни милліоновъ рублей, отдавая имъ на разграбленіе обширную Сибирь, — не считаетъ нужнымъ спасти голоднаго мужика отъ смерти, того самаго мужика, который кормитъ и дворянъ, и правительство. Одной рукой оно кидаетъ ему грошовую милостыню, — другой захлопываетъ надъ нимъ гробовую крышку. При такихъ условіяхъ правительственная помощь представляетъ изъ себя только новый опытъ отученія людей отъ пищи, опытъ, который правительство продѣлываетъ уже не первый годъ. Въ своемъ циркулярѣ по поводу голода министръ толкуетъ не о томъ, кому и какъ слѣдуетъ помогать, а о томъ, кого слѣдуетъ *лишать* помощи. Въ этомъ смыслѣ онъ даетъ губернаторамъ самыя подробныя указанія. Онъ дрожитъ за каждую копейку. А вдругъ она попадетъ въ руки такого богача, который не изголодался еще въ конецъ, у кого въ закромахъ найдется еще пригоршни двѣ лебеды съ мякиной, у кого тощая лошаденка не дожевала еще послѣдней соломы съ крыши. И при одной мысли, что такой богатѣй можетъ завладѣть „царской“ копейкой, министръ начинаетъ дрожать отъ злобы и яро-

сти. Въ злобѣ онъ схватываетъ перо и давай вычеркивать. Тому не смѣть помогать, другому — не смѣть, третьему не смѣть, — глядишь, вмѣсто сотни голодныхъ ихъ осталось всего два-три человѣка, за то ужъ настоящихъ голодныхъ, такихъ голодныхъ, что самъ министръ не станетъ сомнѣваться. Однако и этимъ достовѣрнымъ голоднымъ министръ не можетъ выдать даромъ „царскую“ копейку. Вѣдь, народъ — полагаетъ министръ — страшный лѣнтяй и лодырь. Надъ нимъ постоянно нуженъ хозяйскій глазъ, кнутъ да палка. Дать ему эту копейку, а онъ и совсѣмъ работать не станетъ. Каждую копейку, по мнѣнію министра, нужно зарабатывать честнымъ трудомъ. Хорошія слова говоритъ намъ министръ, столь хорошія, что мы, каемся, позабываемъ на минуту, что ихъ говоритъ человѣкъ, который грабитъ народные милліоны, обираетъ мужика въ деревнѣ, обираетъ рабочаго въ городѣ, содержитъ на народныя средства арміи шпіоновъ и жандармовъ и насылаетъ полки солдатъ на рабочихъ, когда они хотятъ отвоевать себѣ право жить человѣческой жизнью. Проповѣдуя (съ награбленными милліонами въ своихъ карманахъ) „честный“ трудъ для голоднаго мужика, — министръ строго запрещаетъ оказывать этому мужику даровую помощь. Пусть говоритъ министръ, онъ заработаетъ ее своими руками! Для этой цѣли онъ выдумываетъ разныя общественныя работы, куда и приказываетъ сгонять голодныхъ крестьянъ. Земство и правительство согласились выдать для этого нѣкоторую сумму денегъ. Сколько изъ этихъ денегъ дѣйствительно дойдетъ до крестьянъ, и сколько останется въ рукахъ чиновниковъ — сказать пока трудно. Но и теперь уже среди нихъ раздаются голоса, что мужику даютъ слишкомъ много, что его скоро совсѣмъ засыплютъ сверху хлѣбомъ и золотомъ.

Какъ спасаютъ отъ голода общественныя работы, показываетъ примѣръ изъ прошлаго. Въ 91 году, когда по всей Россіи былъ страшный голодъ, голодныхъ крестьянъ со всѣхъ концовъ Россіи гнали на Кавказъ, гдѣ

они должны были проводить черезъ горы длинную шоссейную дорогу. Работами завѣдывалъ генералъ Анненковъ. Онъ получилъ отъ казны нѣсколько милліоновъ, и онъ же выдавалъ заработную плату рабочимъ. Рабочіе получали 8-10 копеекъ въ сутки, спали подъ открытымъ небомъ, питались хуже собакъ и въ концѣ концовъ вернулись на родину еще болѣе голодными и отощавшими, чѣмъ выѣхали оттуда. На ихъ долю достались копейки, а милліоны остались въ генеральскихъ карманахъ. Послѣ этого голоднаго года, который для Анненкова во всякомъ случаѣ голоднымъ не былъ, онъ такъ сильно разбогатѣлъ, что едва было даже не попалъ подъ судъ. Впрочемъ, высшее правительство, которое сплошь состоитъ изъ казнокрадовъ, постаралось замять это дѣло. Голодные крестьяне прогулялись за 1.000 верстъ отъ своихъ деревень для того, чтобы доставить богатый заработокъ генералу. Теперь съ общественными работами выйдетъ, вѣроятно, та же исторія. Министръ не даромъ поручилъ раздавать заработную плату земскимъ начальникамъ. Опять выросли передъ нами дворяне! И можно навѣрное сказать, что не мало „царскихъ“ копеекъ, которыя такъ бережно отсчитываетъ министръ, останется въ ихъ рукахъ. Пока что, а земскіе начальники уже заговорили о прибавкѣ жалованія. Не успѣла пролетѣть вѣсть о голодѣ, а они, какъ голодные волки, учуяли добычу. Они постановили просить министра объ увеличеніи ихъ жалованія на нѣсколько сотъ рублей въ годъ въ виду того, что имъ теперь много хлопотъ съ голодающими.

Въ заключеніи своего циркуляра министръ строго требуетъ отъ губернаторовъ, чтобы они никого изъ частныхъ лицъ не пускали въ деревню для помощи. Правительство не только не хочетъ само спасать мужика отъ голодной смерти, но не позволяетъ сдѣлать этого и другимъ. Кажется, что можетъ быть безобиднѣе и невиннѣе помощи голодающимъ? Но правительство и здѣсь усмотрѣло тяжкое преступленіе. Чужой пятакъ положить

въ свой карманъ — это у насъ разрѣшается, если только воръ познатнѣе да починовнѣе — вродѣ Анненкова. А вотъ свой пятакъ пожертвовать неимущему — это можно только съ оглядкой и опаской — какъ бы въ тюрьму не засадили. Началось это еще весной 1901 г. на югѣ, въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. Тамъ былъ сильный голодъ, народъ умиралъ голодной смертью отъ цынги и тифа. Требовалась быстрая помощь. Стали стекаться пожертвованія, нѣкоторые изъ добрыхъ людей сами пріѣхали для помощи. Губернатору все это не понравилось. Онъ знаетъ, что высшее начальство не долюбливаетъ, когда о голодѣ и мужикѣ говорятъ слишкомъ много. И вотъ онъ издаетъ правило, чтобы никто изъ частныхъ лицъ не смѣлъ помогать голодающимъ. Между тѣмъ, какъ разъ въ это время туда пріѣхали три женщины для помощи голодающимъ; одна изъ нихъ запаслась предварительно особымъ разрѣшеніемъ изъ Петербурга на право помогать несчастнымъ (какъ видите, у насъ на все разрѣшеніе требуется — только народъ обирать можно безъ разрѣшенія). Остальныя двѣ, Померанцева и Успенская, оказались настолько смѣлыми, что пріѣхали безо всякаго разрѣшенія. Въ простотѣ душевной онѣ думали, что спасать человѣка отъ голодной смерти можно и такъ, безъ предварительнаго согласія на это правительства. Скоро имъ пришлось въ этомъ разувѣриться. Не успѣли онѣ пріѣхать, какъ губернаторъ вызвалъ ихъ къ себѣ. Принялъ онъ ихъ въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи многихъ чиновниковъ и даже жандармскаго полковника. О чемъ у нихъ происходилъ разговоръ, газеты не сообщили, а стало только извѣстнымъ, что обѣ женщины должны были покинуть губернію вмѣстѣ съ тѣми деньгами, которыя привезли съ собой. Губернаторъ настоялъ на своемъ: голодный мужикъ, какъ зачумленный, былъ отрѣзанъ отъ помощи добрыхъ людей и умиралъ голодною смертью одинъ, наединѣ съ собой да развѣ еще въ присутствіи земскаго начальника. Это было весной 1901 г. въ Ели-

заветградскомъ уѣздѣ. Теперь министръ распространилъ это правило на всю Россію. Министръ приказалъ губернаторамъ, чтобы они не пускали въ деревню людей подозрительныхъ. А подозрительными, или неблагонадежными людьми министръ называетъ такихъ людей, которые хотятъ просвѣтить народъ, разсказать ему о томъ, какъ обираетъ его царское правительство, какъ оно мотаетъ народныя деньги. Правительство знаетъ, что, когда народъ проснется отъ своего сна, когда онъ узнаетъ своихъ враговъ, — онъ стряхнетъ съ себя всѣхъ этихъ присосавшихся къ нему піявокъ, онъ сорветъ съ себя позорныя цѣпи, онъ вырвется изъ душной клѣтки, гдѣ его голодомъ моритъ царское правительство, и, выпрямившись во весь свой ростъ, грозно бросится на него и навсегда смететъ его съ лица земли. Знаетъ все это правительство и съ томительнымъ ужасомъ ожидаетъ этого страшнаго для него дня. Какъ убійца, оно трепещетъ всякаго человѣка, который можетъ повѣдать народу о его преступленіи. Поэтому то оно и гонитъ изъ деревни всѣхъ сострадательныхъ людей. Пусть умираетъ съ голода мужикъ, лишь бы онъ не узналъ, кто его ограбилъ и обрекъ на голодную смерть!

Итакъ, — вотъ политика правительства: милліоны дворянамъ и крѣпостное ярмо на шею крестьянамъ. Народъ гибнетъ отъ голода — и правительство первымъ долгомъ издаетъ законы, уничтожающіе на дѣлѣ всякую помощь голодающимъ. Добрые люди, которые несутъ въ деревню денежную помощь и сердечное участіе, выпроваживаются оттуда вонъ городовымъ. Земскій начальникъ стоитъ у голодной деревни на стражѣ и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы туда не протащили „запрещенную“ краюху хлѣба. Народъ, какъ распятый Христосъ, умираетъ по всей странѣ, а тутъ же рядомъ суетливая толпа хищниковъ „объ одеждѣ метаетъ жребій“.

РАБОЧАЯ ПѢСНЯ.

Кто кормитъ всѣхъ и поитъ?
Кто обреченъ труду?
Кто плугомъ землю роетъ?
Кто достаетъ руду?
Кто одѣваетъ всѣхъ господъ,
А самъ — и нагъ, и босъ живетъ?

Все мы же, братъ-рабочій!
Нужда намъ спину гнетъ,
Нужда слѣпитъ намъ очи,
Нужда и въ гробъ ведетъ!

* * * *
* *
*

Кто въ тягостной работѣ
Томится день-деньской,
Трудясь въ слезахъ и потѣ
Для прихоти чужой?
На комъ покоится весь свѣтъ?
Кому ни правъ, ни воли нѣтъ?

Все намъ же, братъ-рабочій!
Удѣлъ нашъ — рабства гнетъ,
Нужда слѣпитъ намъ очи,
Лѣнивый насъ не бьетъ...

* * * *
* *
*

Кто долго тиранніи
Опорой вѣрной былъ,
И за царей Россіи
Кто кровь, какъ воду, лилъ?
Кто цѣпи самъ себѣ ковалъ?
Кто самъ себя закрѣпощалъ?

Очнемся, братъ-рабочій,
Стряхнемъ незнанья гнетъ,
Развѣемъ сумракъ ночи,
Въ ряды — смѣлѣй впередъ!

* * * *
* *
* *
*

Добьемся лучшей доли
На жизненномъ пиру,
И свѣтлой вольной воли,
И торжества добру!

Мы въ плуги мечъ перекуемъ
И новой жизнью заживемъ!

Вставай же, братъ-рабочій,
Гляди — заря встаетъ,
Рѣдѣетъ сумракъ ночи, —
То — свѣтлый день идетъ!

* * * *
* *
* *
*

Возьмемъ же наше знамя —
Свободы красный стягъ!
Оно горитъ, какъ пламя,
Его трепещетъ врагъ!

Зари предъутренней алѣй,
То знамя — ужасъ для царей!

Впередъ же, братъ-рабочій!
Низвергнемъ царскій гнетъ!
Раскрылись наши очи —
Впередъ! впередъ! впередъ!

ПѢСНЯ ТКАЧА.

Мучитъ-терзаетъ головушку бѣдную
Грохотъ машинныхъ колесъ,
Свѣтъ застилается въ оченькахъ крупными
Каплями пота и слезъ.

* *
*

Эхъ, да зачѣмъ же, зачѣмъ же вы льетеся,
Горькія слезы, изъ глазъ?
Дѣлу помѣха—основа попортится—
Быть мнѣ въ отвѣтѣ за васъ!

* *
*

Рученьки, ноженьки ноютъ, сердечныя,
Ломятъ спина и бока...
Грохотъ машинъ, духота нестерпимая—
Да, жизнь ткача не легка!

* *
*

Какъ не завидовать главному мастеру!
Знай подъ окошкомъ сидитъ,
Чай попиваетъ, да гладитъ бородушку,—
Видно, душа не болитъ!

* *
*

Ласковъ на видъ, а поди-ка ты вечеромъ—
Станешь работу сдавать,
Онъ и работу бранитъ, и ругается—
Все норовитъ браковать!

* *
*

Такъ вотъ и ладитъ, чтобъ меньше досталося
Нашему брату—ткачу...
Эй, главный мастеръ, хозяинъ, надсмотрщики!
Жить вѣдь я тоже хочу...

МІРСКОЙ ХОДОКЪ.

Ужъ ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя!
Да за что жъ ты меня, доля,
До Сибири довела?

* *
*

Не за пьянство-за буянство,
И не за ночной разбой
Стороны своей лишился
За крестьянскій міръ честной.

* *
*

Годъ холодный былъ, голодный, —
Стали подати сбирать,
И крестьянскіе пожитки
За безцѣнокъ продавать.

* *
*

Я отъ міра съ челобитной
Къ самому царю пошелъ,
Но схватили на дорогѣ —
До царя я не дошелъ...

* *
*

И по царскому велѣнью
За прошенье мужиковъ
Его милости плательщикъ
Сподобился кандаловъ.

* *
*

Далеко село родное...
А хотѣлось бы узнать,
Удалось ли односельцамъ
Съ шеи подати скачать?